

Время тянулось медленно, минута за минутой. Когоро заметно нервничал и начал мерить шагами зал ожидания. Его шаги были тяжелыми и поспешными, в каждом движении чувствовались нетерпение и раздражение.

— Ну что же так долго, — бормотал он себе под нос, — сколько можно ждать? Почему он до сих пор не пришел!

Хотя голос его был негромким, в нем отчетливо читалось недовольство. Мори Когоро нахмурился, и на его лице застыла гримаса досады.

Мори Ран, сидевшая на диване, посмотрела на расхаживающего отца и мягко произнесла:

— Папа, не стоит так нервничать, давай наберемся терпения.

Судзуки Соноко, прислонившись к плечу подруги и чувствуя тепло ее тела, добавила:

— Дядюшка Мори, давайте войдем в положение. Староста наверняка занят делами государственной важности, ему просто некогда нас принимать.

Тем временем Конан, маленький силуэт которого метался по залу, не мог усидеть на месте. Сильное любопытство гнало его прочь из приемной. Пройдя по коридору, он осторожно толкнул одну из дверей, и та отозвалась тихим скрипом.

В комнате за дверью первым делом в глаза бросалось пианино, стоявшее в тишине. Оно было абсолютно черным и в полумраке излучало какую-то загадочную ауру. В этот момент Когоро и остальные, услышав шум, подошли ближе и один за другим вошли в помещение.

Когоро нахмурился, обводя взглядом комнату:

— Конан, ты опять убежал? Но откуда здесь взялось пианино?

Ран, следовавшая за ними, с недоумением посмотрела на мальчика и музыкальный инструмент. Соноко же, стараясь выглядеть небрежно, заметила:

— А пианино-то выглядит довольно загадочно. Может, это важная улика?

Как только Конан собрался подойти поближе, чтобы рассмотреть инструмент во всех деталях, послышались быстрые шаги. В комнату вбежал секретарь Хирата. На его лице читались тревога и серьезность, он поспешно окликнул мальчика:

— Эй, малыш, остановись! Не трогай это пианино!

Внезапный окрик заставил Конана замереть и обернуться. Он с недоумением посмотрел на секретаря. Хирата Кадзуаки глубоко вздохнул, стараясь унять волнение, и торжественно пояснил:

— На этом пианино лежит проклятие. У него темное прошлое и немало тайн. Ни в коем случае не прикасайтесь к нему, иначе навлечете на себя беду.

Его голос гулко разнесся по комнате, добавив зловещих красок и без того загадочному инструменту. Услышав слова секретаря, Мори Когоро слегка приподнял подбородок, а на его губах появилась скептическая усмешка. Он выпрямился и скрестил руки на груди:

— Хм, проклятое пианино? Чушь какая-то.

В его твердом взгляде сквозили недоверие и насмешка — сразу видно, что он не купился на эту байку.

— Я убежденный материалист и не стану верить в подобные суеверия, у которых нет никаких научных оснований.

Лицо Мори Ран слегка побледнело, в глазах мелькнул испуг. Она невольно вздрогнула, словно ее окутало невидимым страхом. Ран всегда была особенно чувствительна к рассказам о проклятиях и призраках. Она закусила нижнюю губу, а взгляд ее забегал — девушка пыталась совладать с охватившим ее ужасом.

Заметив перемену в подруге, Соноко взяла ее за руку, крепко сцепив пальцы.

— Все хорошо, Ран, не бойся. Я рядом, не слушай эти глупости, у них нет никаких оснований.

Ее голос, подобный весеннему ветерку, звучал мягко и успокаивающе, неся в себе силу, возвращающую душевное равновесие. Ран, слушая утешения Соноко и чувствуя тепло ее ладони, почувствовала, как страх постепенно отступает. Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться, и, слегка кивнув, прошептала:

— Соноко, спасибо тебе, мне уже намного лучше.

Соноко улыбнулась и сжала ее руку еще крепче.

Проницательный взгляд Конана на мгновение скользнул по девушкам. Он заметил, как близко они сидят, перешептываясь о чем-то своем. Соноко что-то тихо говорила Ран, а та лишь слабо улыбалась и изредка кивала в ответ. Однако Конан тут же отвел взгляд. Для него сейчас были куда важнее загадки и улики, требующие разгадки.

В глубине души он знал, что Ран и Соноко — неразлучные подруги, и для них вполне естественно делиться друг с другом секретами. Они вместе пережили немало радостных моментов и сообща преодолевали мелкие трудности. И в школе, и в повседневной жизни они всегда поддерживали друг друга. Поэтому Конан не стал заострять внимание на их девичьих разговорах, сосредоточившись на тайне, которую предстояло раскрыть.